

**«Что нужно Лондону, то рано для Москвы».
Система Джозефа Ланкастера и император
Александр I. Рецензия на монографию
А.А. Орлова «“Школы для всех”».
Ланкастерская система обучения в России
в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.)»
(М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова,
2014. 200 с.: ил.)**

В своей новой монографии доктор исторических наук А.А. Орлов продолжает исследовать давно уже интересующую его тему — тему восприятия в России (в разные исторические периоды) английских достижений во всех сферах жизни государства [5–6]. Его книга посвящена первому в истории нашей страны опыту введения системы светского начального образования для народа — ланкастерскому взаимному обучению, появившемуся в Англии в конце XVIII века. Автор на основании разнообразных источников, прежде всего, мемуарной литературы, и научных исследований отечественных и зарубежных специалистов (историков и педагогов) изучил причины и специфику утверждения ланкастерских школ на российской почве, выявил побудительные мотивы отказа императорской власти от данной реформы и оценил ее значение для России.

С его точки зрения, «на всех переломных этапах российской истории высшая власть стремилась реформировать экономику государства, что неизбежно вело за собой реформы в системе образования. При этом политические новшества, особенно в период существования крепостного права, значительно отставали от экономических новаций. Определяющим в политике власти было желание модернизировать производство, чтобы на равных конкурировать с ведущими западными державами... но при этом не утратить собственных позиций, избежать революционных потрясений в стране» (с. 5). По мнению А.А. Орлова, такая двойственная позиция вызывала «...серьезные противоречия между обществом

и властью, а также между разными группами населения. <...> Это... приводило к «...возникновению революционной ситуации или к революциям». Он убежден в том, что «подобная дилемма существует и в наше время» и поэтому считает актуальной «...проблему реформирования народного образования в России в начале XIX в.» (с. 5–6).

Первая глава монографии «Причины создания ланкастерских школ в России (1814–1816 гг.)» (с. 8–18) посвящена анализу причин, по которым император Александр I после окончания в 1815 году эпохи наполеоновских войн решил в числе других своих преобразовательных проектов ввести в империи новую (Белл-Ланкастерскую) методику обучения детей из числа простонародья по британскому образцу. Автор довольно подробно характеризует саму эту методику (с. 12–17), выясняет, когда именно и как император заинтересовался ею (с. 10–12, 17–18), кто был его первыми помощниками в этом деле (с. 10–11), и что стало важным дополнительным стимулом, подтолкнувшим Александра I к введению в России именно британской (а не швейцарской или немецкой, которые он также внимательно изучал лично или при помощи доверенных лиц) педагогической системы. Поскольку экономика (особенно финансы) России после окончания длительного периода революционных и наполеоновских войн находилась в кризисном состоянии, император избрал то, что было практичнее и позволяло сэкономить средства казны. Ланкастерские школы должны были обойтись «...правительству гораздо дешевле, нежели обычные училища» (с. 18).

Во второй главе «Ланкастерские школы как часть политики либеральных реформ Александра I (1816–1821 гг.)» (с. 19–33) более подробно раскрываются реформаторские замыслы Александра I. Говорится о том, что «...введение в России системы взаимного обучения...» было только небольшой частью его «...обширного плана реформ...» (с. 19). Главное же заключалось в следующем: император искренне желал создать конституционную монархию и постепенно идти к отмене крепостного права. Организация сети бесплатных (или дешевых) школ для народа («школ для всех», по выражению одного из создателей этой системы — английского педагога-квакера Джозефа Ланкастера), с одной стороны, должно было «...подготовить население к позитивному восприятию начавшихся перемен, а, с другой стороны, предотвратить возможность социального бунта низов» (там же). А.А. Орлов подробно описывает, как Александр I взялся за эту трудную работу и какими именно путями хотел достигнуть поставленной цели. Но в 1820 году отношение императора к ланкастерским школам изменилось. Автор указывает на попытку бунта в гвардейском Семеновском полку в октябре 1820 года (так называемую «Семеновскую историю») как на перелом в либеральных педагогических экспериментах Александра I. Причем «Семеновская история» поставлена ученым в контекст важных политических событий того времени. «Ситуация в Европе... была очень тревожной. В 1820–1821 гг. вспыхнули революции в Испании, Португалии, Италии (Неаполе и Пьемонте), началось

национально-освободительное восстание греков против Османской империи. Император связал «Семеновскую историю» с деятельностью европейских заговорщиков («карбонариев»), способных взбунтовать его «опричников» (так он в шутку называл семеновцев), чтобы отвлечь русского монарха от борьбы с революционной угрозой в Европе. Средством антиправительственной пропаганды могла служить система взаимного обучения нижних чинов и солдатских детей. <...> Возникшие разногласия в начале 1820-х гг. стали тормозить распространение метода взаимного обучения. <...> В дворянской среде и в церковных кругах стало проявляться недовольство модернизаторской политикой Александра I», — пишет он (с. 31–32).

Третья глава монографии «Распространение ланкастерского метода обучения в провинциях Российской империи: гомельская школа Я.И. Герда (1819–1821 гг.)» (с. 34–40) посвящена рассказу об одной из знаменитых ланкастерских школ — гомельской школе англичанина Джеймса Хёрда (Я.И. Герда), созданной по инициативе бывшего министра иностранных дел графа Н.П. Румянцева. Эту школу долгое время называли первой в России. Автор опровергает данный тезис (с. 34), но обращает внимание на следующий факт: Герд так успешно руководил школой, что ему для обучения вскоре прислали 20 солдат из расквартированной в городе артиллерийской бригады полковника Деллингсгаузена (с. 38). Даже после отказа высшей государственной власти от ланкастерской системы Герд пользовался расположением императоров Александра I и Николая I, заслужив потомственное дворянство и став основателем династии русских ученых, существующей по сей день (с. 35–36, 39–40).

О школе Герда уже много раз говорилось в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной [1; 4; 7–9; 15; 19]. Но, как представляется, А.А. Орлов удачно поместил данный эпизод в общий контекст англomanии русского дворянства, особенно усилившейся после окончания наполеоновских войн. Когда он пишет об англичанах и шотландцах, работавших в гомельском имении Румянцева, читатель может зримо представить себе степень влияния британских специалистов на помещную экономику. Архитектор Кларк, агрономы Скотт, Стюарт и Харботтл, заведующий свечным заводом Стивенсон с семьей, — вот то общество, в котором первоначально нашел себе друзей молодой английский учитель. Однако он не стал замыкаться в узком кругу соотечественников, выучил русский язык, причем настолько хорошо, что впоследствии публиковал учебники для русских школ и перевел с английского классический роман Оливера Голдсмита «Векфильдский священник» (перевод долгое время считался лучшим) — с. 37, 39–40. Интересен и такой вывод А.А. Орлова: русская аристократия использовала «...для интенсификации производства навыки и труд британских специалистов, не отказываясь от главного порока отечественной экономики — крепостного права» (с. 36).

Завершает исследование четвертая глава «Ликвидация системы взаимного обучения в России (1821–1826 гг.): причины и последствия» (с. 41–62). Здесь автор возвращается к рассказу о «Семеновской истории», так сильно, по его мнению, повлиявшей на настроение Александра I и на ликвидацию

системы ланкастерского обучения в России (с. 41–46). Потом он рассказывает о «деле Раевского» – обвинении преподавателя Кишиневской дивизионной школы майора В.Ф. Раевского (в отечественной историографии за ним закрепилось звание «первого декабриста» [10: с. 7–70]) в революционной агитации (с. 46–48). Психологически оценивая влияние декабристов на новую систему образования, автор резюмирует: «революционная работа... велась на уровне подсознания». «Плохо усвоенные западноевропейские политические лозунги создавали хаос в умах людей, получивших лишь самые азы знаний, едва умевших читать и писать. У солдат после разгрома восстания на Сенатской площади появилось ощущение того, что офицеры-дворяне их обманули» (с. 49).

Огромное разочарование пережил и Александр I. Ему пришлось отказаться от избранной им западной методики, как постепенно и от других либеральных преобразований. Его преемник Николай I вынужден был поставить всю систему народного образования в России (от школы до университета) под крайне жесткий контроль государства и церкви (с. 53). На первых порах это принесло положительные плоды (единая государственная идеология «официальной народности», стройная модель сословного образования, упорядочивание всей системы обучения и т.д.), но уже во второй половине правления императора образованные классы общества, стремившиеся воспользоваться новейшими достижениями идейной мысли Западной Европы, стали высказывать недовольство патерналистской политикой императора. Как только режим Николая I рухнул, Россия вновь обратилась к западному опыту реформирования, в том числе и в сфере образования. Опыт ланкастерской школы тут уже ничем не мог помочь, и Россия в полной мере восприняла достижения немецкого классического образования, помогшего Пруссии выиграть войну с Францией 1870–1871 годов и стать Германией — одной из ведущих мировых держав (с. 57–58, 61). Сегодня, отмечает А.А. Орлов, мы снова находимся в том же положении, только реформирование происходит по англо-американским образцам. Его вывод, как ни странно, одновременно оптимистичен и пессимистичен: «как показывает исторический опыт, это неизбежно поставит вопрос о политических переменах» (с. 62). Почему я говорю об оптимизме пополам с пессимизмом? Политические перемены (если они ведут к лучшему) нельзя не приветствовать. Но мы видим, что в современном мире ситуация складывается далеко не такая. Какова же цель идущих в нашей стране реформ? Но это вопрос уже не к автору рецензируемой монографии.

Возвращаясь к опыту ланкастерской школы, отмечу важный вывод А.А. Орлова, переводящий разговор из специальной историко-педагогической в гуманитарную сферу. Эти школы «...дали стране большое количество грамотных людей, часть которых впоследствии продолжала заниматься самообразованием... в некоторой степени идейно подготовили наступление эпохи буржуазных реформ Александра II. <...> [Они помогли образованному русскому человеку] ...отстоять достоинство личности... перед всей мощью государственной машины» (с. 64).

Читателю можно смело рекомендовать обратить внимание на книгу А.А. Орлова. Ни школьные учителя, ни преподаватели вузов, ни учащиеся, ни те, кто интересуется историей, не потратят даром времени, познакомившись

с ее содержанием. Тем более, что издание снабжено уникальными иллюстрациями и интересным приложением — отрывком из книги российского автора (доктора медицины И.Х. Гамеля) [3], одним из первых познакомившегося в Англии с новой методикой обучения и почти сто лет назад описавшего ее для отечественной публики (с. 65–83).

Тема, конечно, далеко еще не исчерпана. Если автор захочет продолжить исследование, ему можно сделать несколько предложений. Было бы очень хорошо, если бы А.А. Орлов в дальнейшем ответил на вопрос, возникший у меня в самом начале чтения его труда и не исчезнувший вплоть до последней страницы. Обосновывая необходимость введения в России ланкастерской системы обучения, он пишет: Александр I сознательно избрал именно ее, так как она обеспечивала возможность «...подготовки большого количества грамотных работников из числа русских разночинцев», что было необходимо для реформирования экономики и готовило «...почву для будущих более значительных перемен» (с. 8–9). Далее сказано: ланкастерские школы появлялись в тех странах, которые «...в начале XIX в. переживали разные стадии экономического подъема или промышленного переворота» (с. 17). Так что же было главным и решающим: субъективное желание императора или объективные потребности развития экономики страны? Могли бы ланкастерские школы появиться в России не из-за желания монарха? Мне кажется, что могли. Автор сам на с. 20 пишет: «замыслы Александра I на время совпали с интересом представителей образованных слоев русского общества к новой методике». Может быть, не стоит преувеличивать степень авторитарности высшей государственной власти начала XIX века хотя бы по отношению к столичной аристократии?

Ну и, конечно, хотелось бы пожелать автору использовать больше англоязычной литературы. Это позволило бы подробнее описать суть Белл-Ланкастерского метода обучения [11; 13], полнее представить жизнь и деятельность разработчиков данной методики, особенно Ланкастера [12; 16–17], и внести важные дополнительные нюансы в оценку ланкастерского движения в России [2; 14; 18].

В заключение скажу: работа А.А. Орлова посвящена важной теме, его исследование состоялось, оно начало жить самостоятельной жизнью и, можно надеяться, привлечет к себе внимание специалистов, а также широкого круга читателей.

Литература

1. *Борейко Л.И., Панкова О.В.* О распространении ланкастерских школ в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 97–101.
2. *Виттакер Ц.Х.* Граф Сергей Семёнович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
3. *Гамель И.[Х.]* Описание способа взаимного обучения по системам Белла, Ланкастера и других, в коем изложены начало и успехи сего способа в Англии, во Франции и в других странах, и подробно изъяснены правила и порядок употребления онаго в училищах / Пер. с нем. К. Кнаппе. СПб.: В Типографии Императорского Воспитательного Дома, 1820. 352 с.

4. *И.Г.* Первая в России ланкастерская школа // Исторический вестник. 1887. Т. 29. № 9 (сентябрь). С. 650–656.
5. *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 368 с.
6. *Орлов А.А.* «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2008. 368 с.
7. *Орлов А.А.* Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 2. С. 14–16.
8. *Телешов С.В.* Ланкастерская школа в России // Педагогика. 2005. № 10. С. 73–77.
9. *Томашевская Н.* Ланкастерские школы в России // Русская школа. 1913. № 3 (март). Отд. I. С. 36–62.
10. Щёголев П.Е. Декабристы. М.; Л.: Госиздат, 1926. 362 с.
11. *Corston W.* A brief sketch of the life of Joseph Lancaster; including the introduction of his system of education. L.: Harvey Darton, [1840]. XII, 96 p.
12. *Dickson M.* Teacher extraordinary, Joseph Lancaster, 1778–1838. Sussex (England): Book Guild, 1986. 308 p.
13. *Fingard J.* «Grapes in the wilderness»: the Bible Society in British North America in the early nineteenth century // Histoire sociale / Social History. 1972. № 5. P. 5–31.
14. *Hollingsworth B.* Lancastrian schools in Russia // Durham Research Review. 1966. № 14. P. 59–74.
15. *Muckle J.* James Arthur Heard (1798–1875) and education of the poor in Russia. Ilkeston (Derbyshire): Bramcote Press, 2013. 170 p.
16. *Salmon D.* *Joseph Lancaster.* L.; N.-Y. [etc.]: Longmans, Green, and C°, 1904. 109 p.
17. *Spragge G.W.* Joseph Lancaster in Montreal // The Canadian Historical Review. 1941. № 22. P. 35–41.
18. *Whittaker C.H.* The Origins of Modern Russian Education: an Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb (Illinois): Northern Illinois University Press, 1984. 348 p.
19. *Zacek J.C.* The Lancastrian School Movement in Russia // The Slavonic and East European Review. 1967. Vol. XLV. № 105 (July). P. 343–367.

Literatura

1. *Borejko L.I., Pankova O.V.* O rasprostranении lankasterskix shkol v Rossii // Psixopedagogika v pravooxranitel'ny'x organax. 2013. № 4 (55). S. 97–101.
2. *Vittaker C.X.* Graf Sergej Semyonovich Uvarov i ego vremya. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. 350 s.
3. *Gamel' I.[X.]* Opisanie sposoba vzaimnogo obucheniya po sistemam Bella, Lankastera i drugix, v koem izlozheny' nachalo i uspehi sego sposoba v Anglii, vo Francii i v drugix stranax, i podrobno iz'yasneny' pravila i poryadok upotrebleniya onago v uchilishhax / Per. s nem. K. Knappe. SPb.: V Tipografii Imperatorskogo Vospitatel'nogo Doma, 1820. 352 s.
4. *I.G.* Pervaya v Rossii lankasterskaya shkola // Istoricheskij vestnik. 1887. Т. 29. № 9 (sentyabr'). S. 650–656.
5. *Orlov A.A.* Soyuz Peterburga i Londona. Rossijsko-britanskije otno-sheniya v e'po-xu napoleonovskix vojn. М.: Progress-Tradiciya, 2005. 368 s.

6. *Orlov A.A.* «Teper' vizhu anglichan vblizi...»: Britaniya i britanczy' v predstavleniyax rossiyan o mire i o sebe (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.). Ocherki. M.: Giperboreya; Kuchkovo pole, 2008. 368 s.
7. *Orlov A.A.* Lankasterskie shkoly' v Rossii v nachale XIX v. // Vestnik MGGU im. M.A. Sholoxova. Seriya: Pedagogika i psixologiya. 2013. № 2. S. 14–16.
8. *Teleshov S.V.* Lankasterskaya shkola v Rossii // Pedagogika. 2005. № 10. S. 73–77.
9. *Tomashevskaya N.* Lankasterskie shkoly' v Rossii // Russkaya shkola. 1913. № 3 (mart). Otd. I. S. 36–62.
10. *Shhyogolev P.E.* Dekabristy'. M.; L.: Gosizdat, 1926. 362 s.
11. *Corston W.* A brief sketch of the life of Joseph Lancaster; including the introduction of his system of education. L.: Harvey Darton, [1840]. XII, 96 p.
12. *Dickson M.* Teacher extraordinary, Joseph Lancaster, 1778–1838. Sussex (England): Book Guild, 1986. 308 p.
13. *Fingard J.* «Grapes in the wilderness»: the Bible Society in British North America in the early nineteenth century // Histoire sociale / Social History. 1972. № 5. P. 5–31.
14. *Hollingsworth B.* Lancastrian schools in Russia // Durham Research Review. 1966. № 14. P. 59–74.
15. *Muckle J.* James Arthur Heard (1798–1875) and education of the poor in Russia. Ilkeston (Derbyshire): Bramcote Press, 2013. 170 p.
16. *Salmon D.* *Joseph Lancaster.* L.; N.-Y. [etc.]: Longmans, Green, and C°, 1904. 109 p.
17. *Spragge G.W.* Joseph Lancaster in Montreal // The Canadian Historical Review. 1941. № 22. P. 35–41.
18. *Whittaker C.H.* The Origins of Modern Russian Education: an Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb (Illinois): Northern Illinois University Press, 1984. 348 p.
19. *Zacek J.C.* The Lancastrian School Movement in Russia // The Slavonic and East European Review. 1967. Vol. XLV. № 105 (July). P. 343–367.

A.M. Лотменцев